

«Мы — бедные наследники великой литературы»

Коммерсант 8-1-2003-2 апр-С. 21

Одно из последних интервью у СЕМЕНА ЛИПКИНА
взяла корреспондент „Ъ“ ЛИЗА НОВИКОВА.

— У вас странная литературная судьба. Ваш первый сборник вышел, когда вам было уже 50.

— Точнее, 56. Именно тогда я издал свою первую книжку стихов. Я не мог этого сделать раньше, потому что мои стихи как-то не соединялись с государственным пониманием поэзии. Но это не я так решил — избрать путь не изданного поэта. Я бы с удовольствием решил по-другому — чтобы меня печатали, чтобы я издавал книги, но не получалось. По-настоящему я начал издаваться, когда рухнула советская власть, то есть очень, очень поздно.

— Писателям от этого легче? Или, может быть, труднее?

— Как вам ответить? Русская литература — великая литература, а мы все все-таки бедные наследники этой великой литературы. В том, что сейчас происходит, есть положительное начало: пишущие люди не зависят от государства. Выходит много хороших книг, но достойных великой русской литературы я среди них не вижу. Я сам не достоин и у других не вижу. Я, небольшой солдат армии нашей литературы, надеюсь, что время идет в нашу человеческую пользу и мы достигнем того уровня, который нам предшествовал.

— Не слишком ли велик разрыв?

— Я не считаю, что мы слишком отошли от традиции: без литературы XX века невозможна литература XXI века. Дело в том, что талант — вещь редкая. Если, скажем,

взять то, что мне ближе, — поэзию. В XX веке у нас было восемь великих поэтов: Анненский, Ахматова, Блок, Бунин, Мандельштам, Пастернак, Ходасевич, Цветаева. Теперь вы сами скажите, есть ли кто-нибудь сейчас им равный? Конечно, нет. Но они были, и они живут в нашем сердце, и нам нужно думать о том, чтобы мы хоть немного с ними сравнялись.

— Как вы определите литературное направление, к которому принадлежите: акмеизм, постакмеизм?

— Тут вышел трехтомный учебник, где меня называют неоакмеистом. Смешно звучит, но и вправду из того прошлого, что было, акмеисты мне наиболее близки, особенно Ахматова. Мне, например, чужд футуризм. Мне чужд такой поэт, как Маяковский, хотя я понимаю его большой талант. Я думаю о том, берет меня за душу стихотворение, хорошо ли оно написано с точки зрения моего понимания, что хорошо. Чтобы не было пустых строк, чтобы боль и радость человека были отражены в его стихах — вот это главное. Чтобы был ум. «Поэзия должна быть глуповата» — эта фраза довольно юмористическая, но я в это не верю. Поэзия может быть простовата, но ведь самое простое — возьмите Евангелие.

— Находите ли вы параллели между литературной жизнью тогда и сейчас? Вот, например, нынешние поэты часто выступают в разных клубах, как это было когда-то в петербургской «Бродячей собаке».

— Я не вижу никакого сходства. «Бродячая собака» была явлением гораздо более бедным. Там крупные поэты

читали стихи друг другу, а не зрителям. Конечно, приходили и читатели, которые, может быть, тоже тайно писали, но это были поклонники этих поэтов. Я бы сказал, что в нынешних выступлениях нет ничего дурного, но и ничего особенно хорошего. Те поэты, которых я знал — Ахматова, Пастернак, — они свои стихи читали хорошо. Скажем, Осип Эмильевич Мандельштам очень хорошо читал стихи небольшому количеству людей. Но вот однажды — забыл, в каком году, это было давно — он не очень хорошо читал свои прекрасные стихи. Но его слушали те, кто его обожал, — вот им и должен поэт читать свои стихи. Есть поэты, которые основывались на своей работе, читая стихи большой публике: среди этих поэтов были даровитые, были менее даровитые. Бывает, что человек хорошо читает неважные стихи.

— Переводы.

— Старые мои переводы не переиздаются, поскольку я переводил Среднюю Азию, которая теперь от нас отделилась. Настоящую их славу творила Москва. Скажем, таджикский поэт Турсун-заде, которого я переводил, на родине не считался первоклассным. А здесь он стал лауреатом Ленинской премии, важным государственным деятелем.

— Что вы пишете сейчас?

— Я редко пишу. Все-таки возраст сказывается. Мне самому не очень нравится то, что у меня сейчас получается. Недостает двух вещей: глубины и любви. Посмотрим, может быть, бог даст еще какое-то время для жизни, я напишу то, что хочу выразить.